

АВТОРСКАЯ И ПЕРСОНАЖНАЯ ИРОНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ: СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА

Заврумов Заур Асланович, кандидат филологических наук, доцент, проректор по научной работе и развитию интеллектуального потенциала, Пятигорский государственный лингвистический университет, 357350, Россия, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9.

В статье выделены виды иронии в художественном тексте – авторская и персонажная, параметрированы их интегральные и дифференциальные признаки в прагмасемантическом аспекте. Установлено, что авторская ирония реализуется как в микро-, так и в макроконтексте, манифестируя тем самым семантическую градацию; её суггестивный потенциал обширнее, чем у персонажной иронии, обнаруживаемой в микроконтекстах, не превышающих по объёму одного абзаца. Авторская ирония реализуется посредством текстовых средств, в том числе вводных слов и конструкций, аллюзий, реминисценций, цитаций, позволяющих утверждать приоритет субъективной модальности и прецедентности в её семантическом пространстве. Персонажная ирония манифестирована с помощью лексических средств, а также риторических вопросов, транспозиций, несобственно-прямой речи.

Ключевые слова: авторская ирония, персонажная ирония, семантическое пространство, художественный текст, суггестивный потенциал

AUTHOR AND PERSONAZHNOYE IRONY IN THE LITERARY TEXT: SEMANTICS AND PRAGMATICS

Zavrumov Zaur A., Candidate of Philological Sciences, associate professor, vice-rector for scientific work and the development of intellectual potential, Pyatigorsk State Linguistic University, 357350, Russia, Stavropol, Pyatigorsk, 9 Kalinin ave.

The article highlights the kinds of irony in a literary text – the author and of character, parameterized and integrated their distinctive features in pragmasemanticheskoy aspect. It was established that the author realized the irony in the micro and macro context in, manifesting thereby semantic gradation; its suggestive potential wider than that of character irony is found in microcontext not exceeding the volume of a single paragraph. Author irony is implemented by means of text, including the introductory words and structures, allusions, reminiscences, citations, allows us to assert the priority of the subjective modality and precedent in its semantic space. The irony of character manifest by means of lexical resources, as well as rhetorical questions, transpositions, double indirect discourse.

Keywords: author's irony, character irony, semantic space, artistic text, suggestive potential

Функционирование иронии в художественном тексте детерминировано спецификой авторского идиостиля, а также структурой семантического пространства текста, что в целом влияет на рецептивно-интерпретативный потенциал читателя. Иронический идиостиль определяется общей суггестией повествования, которая эксплицирована как в тематике и сюжетике, так и в аксиологической системе автора и персонажей. В целом именно иронический идиостиль определяет индивидуально-авторскую картину мира и его эстетическую концепцию.

Структура семантического пространства иронического текста позволяет выделить и непротиворечиво описать два вида иронии – авторскую и персонажную. Интегральные признаки этих видов иронии в художественном тексте

определяются образом автора, который задаёт вектор их реализации; дифференциальные признаки фиксируются в сфере диапазона манифестируемых эмоций, структуриации самой иронии и углубления её суггестивного потенциала. Авторская ирония гораздо более сложно организована, а её воздействие на реципиента интенсивнее, чем у персонажной иронии. Персонажная ирония структурирована более отчётливо, что позволяет выделять прямую, косвенную и взаимонаправленную иронию.

Рецептивно-интерпретативная деятельность читателя формируется совокупностью аспектов семантического пространства, определяющих характер художественной коммуникации, а её результат детерминирован личностными характеристиками реципиента. Именно от них зависит оценка иронического контекста. В этой связи стоит обратить внимание на преимущественно негативное отношение к иронии с позиций социума, её трактовку как агрессивного акта. В то же время личностный уровень восприятия иронии имеет противоположную направленность: аттрактивность иронии способствует эмпатии коммуникантов. Одним из основных факторов формирования иронического смысла является коммуникативная направленность иронического высказывания, структура которого, а также статус языковых единиц в нём определяются коммуникативной ситуацией и целью общения. Разноуровневые средства детерминированы в художественном тексте его прагматикой, реализуемой в микро- и макроконтестах, а «контекст предопределяет вместе со смысловой установкой, или, другими словами, коммуникативным заданием, всю смысловую структуру высказывания» [4, с. 115].

Языковой материал позволил выделить основные способы реализации авторской и персонажной иронии. Авторская ирония манифестирована ироническими описаниями, комментариями, ремарками автора / повествователя / рассказчика. Персонажная ирония представлена в репликах героев, часто входящих в состав диалогов. Общность механизма авторской и персонажной иронии основана на семантической двуплановости языковых единиц.

Авторская ирония характеризуется семантической градацией, которая реализуется в целостном повествовании, «развёртываясь» на всём протяжении текста, что позволяет говорить о её манифестировании на уровне микро- и макроконтеста, которые необходимы для адекватной интерпретации иронии. Так, авторская ирония представлена на всех уровнях текста романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев»; в приведённом ниже фрагменте впервые представляемый персонаж наделяется иронической авторской оценкой посредством различных лексических сочетаний (выделены курсивом): «Выбравшись из фиолетового тумана, напущенного *адской машиной* исполкома, отец Востриков пришёл в *совершенное расстройство* и, *не смотря на почтенный сан и средние годы*, проделал остаток пути *фривольным полугалопом*» [3, с. 41]. Персонажная ирония характеризуется относительно простым механизмом реализации: ироническая реплика персонажа обычно является реакцией на реплику другого героя, что обуславливает контактный характер такого коммуникативного взаимодействия. Тем самым, персонажная ирония всегда ограничена микроконтекстом в пределах одного абзаца, объём которого превышает лишь изредка.

В романе «Герой нашего времени» диалог Печорина и Грушницкого демонстрирует ироническое отношение последнего к его оппоненту, причём эту иронию Грушницкий не чувствует: «– Эта гордая знать смотрит на нас, армейцев, как на диких. И какое им дело, есть ли ум под нумерованной фуражкой сердце под толстой шинелью?

– Бедная шинель! – сказал я, усмехаясь» [5, с. 72].

Эмоциональный фон, характеризующий авторскую иронию, имеет более мягкий характер: такая ирония фиксируется в диапазоне от симпатии до снисхождения. Ср. у М.Ю. Лермонтова: «Теперь ещё два слова о других кав-

казцах, ненастоящих. Грузинский кавказец отличается тем от настоящего, что *очень любит кахетинское и широкие шёлковые шаровары*. Статский кавказец редко облачается в азиатский костюм; он кавказец более душой, чем телом: занимается археологическими открытиями, толкует о пользе торговли с горцами, о средствах к их покорению и образованию. Послужив там несколько лет, он обыкновенно возвращается в Россию *с чином и красным носом*» [5, с. 162]. Выделенные курсивом фрагменты свидетельствуют о мягкой иронии по отношению к объекту: автор акцентирует внимание читателя на несоответствии важности военной и статской службы на Кавказе и привычках, приобретаемых по большей части при исполнении служебных обязанностей. Персонажная ирония зачастую представлена во взаимодействии с негативными эмоциями – гневом, возмущением, презрением: «Мы вышли вместе с Грушницким; на улице он взял меня под руку и после долгого молчания сказал: – Ну, что? *«Ты глуп»*, – хотел я ему ответить, но удержался и только пожал плечами» [5, с. 99]. Презрение, которое испытывает Печорин к Грушницкому, несомненно, накладывает значимый отпечаток на их диалоги, всегда иронические со стороны Печорина.

Лексический, синтаксический и текстовый уровни реализации авторской и персонажной иронии характеризуются интегральными и дифференциальными признаками. Так, авторская ирония ввиду её релевантности всему семантическому пространству художественного текста ориентирована на текстовые средства, в то время как персонажная ирония, представленная в основном в микроконтекстах, манифестирована посредством лексических средств.

Наиболее частотным способом лексической реализации авторской иронии являются стереотипные лексические сочетания и авторские окказионализмы: «Молча с Грушницким спустились мы с горы и прошли по бульвару, мимо окон дома, где скрылась наша красавица. Она сидела у окна. Грушницкий, дёрнув меня за руку, бросил на неё один из тех *мутно-нежных* взглядов, которые так мало действуют на женщин» [5, с. 75]. В данном контексте курсивом выделено окказиональное лексическое сочетание, передающее как ироническое отношение Печорина к Грушницкому, так и собственно нелепое поведение последнего. Ирония героя-повествователя характеризуется нами как авторская ввиду отсутствия в этой части романа автора как такового. Кроме того, авторская ирония может быть маркирована употреблением лексем *ирония*, *иронический* и пр., которые позволяют квалифицировать конкретный контекст как иронический: «на чёрном лице Виктора Михайловича определилась *ироническая* улыбка.

- Ну, а вы как думаете? Он усмехнулся с ещё большей *иронией*.
- Уж во всяком случае, не договоры с большевиками подписывать.
- Вы думаете, что он подвергается опасности? Запасы *иронии*, накопленные Виктором Михайловичем за десять лет революции, были неистощимы» [3, с. 121].

Синтаксический уровень авторской иронии представлен обособленными членами предложения, прежде всего, вводными словами и вводными конструкциями, а также распространёнными обстоятельствами: «Я навёл на неё лорнет и заметил, что она от его взгляда улыбнулась, а что мой дерзкий лорнет рассердил его не на шутку. И как, *в самом деле*, смеет кавказский армеец наводить стёклышко на московскую княжну?..» [5, с. 75]. Отметим в этой связи, что вводные слова репрезентируют субъективную модальность, а модальные значения отчасти корреспондируют с авторской иронией.

На текстовом уровне авторская ирония реализуется посредством пародии, лексических и структурных повторов, аллюзий, реминисценций и цитаций, что позволяет утверждать значимую роль прецедентных феноменов в иронических текстах. Так, в рассказе С. Довлатова «Роль» представлен диалог, в котором один из персонажей цитирует стихотворение М.Ю. Лермонтова

«Нет, я не Байрон...». Ироническая ситуация характеризуется тем, что другие коммуниканты абсолютно не идентифицируют прецедентный текст, что в целом углубляет ироническое восприятие текста в целом:

«Мне удалось сдержаться.

– Я, – говорю, – представьте себе – *другой, ещё неведомый избранник*.

– Чего это он? – поразилась гостья.

– Не обращай внимания, – сказала Лида» [1, с. 153].

Персонажная ирония способна реализоваться посредством отдельных лексем и их сочетаний: так, лексическое сочетание-перифраз у С. Довлатова приобретает ироническую оценку в координатах конкретного коммуникативного акта. Ср.: Ленинград, устойчиво именуемый в советское время колыбелью революции: «Ну и жизнь в этой *колыбели революции!* – сказала гостья. Затем потребовала чаю и начала рассказывать о себе» [1, с. 154].

Синтаксический уровень задействован в плане персонажной иронии в виде транспозиций и риторических вопросов: «Было нас в группе человек пятнадцать. Всех распределили по бригадам. Человека по три в каждую.

До этого мы получили инструкции. Представитель месткома сказал:

– Есть можете сколько угодно.

Мой однокурсник Лебедев поинтересовался: – *А выносить?*

Нам пояснили: – *Выносить можно лишь то, что уже съедено...*» [2, с. 407].

Вводные предложения в этой зоне иронии достаточно редки, преобладают повторы, контаминация коммуникативных регистров и маркеров функциональных стилей речи, а также трансформации цитаций. Ироническое отношение персонажа транслируется и посредством несобственно-прямой речи (выделено курсивом): «Хозяйка равнодушно согласилась и начала комбинировать карты. Черновое определение вдовьей судьбы было дано уже через несколько минут. *Вдову ждали большие и мелкие неприятности, на сердце у неё лежал трефовый король, с которым дружила бубновая дама*» [3, с. 113]. Отметим также, что несобственно-прямая речь отражает тенденцию слияния авторской и персонажной иронии, а также углубление суггестивного потенциала иронии, представленной в микроконтексте, до уровня макроконтекста: «Если это так, задумался Головкер, сколько же всего проносится мимо? Живёшь и не знаешь – ради чего? Ради чего зарабатываешь деньги? Ради чего обзаводишься собственностью? Ради чего переходишь на английский язык?» [1, с. 208–209].

Персонажная ирония представлена, прежде всего, в диалогах на лексическом и синтаксическом уровнях и эксплицирует отрицательное отношение к описываемому в художественном тексте: «– Допустим, я иду по улице... – Подумаешь, какое событие, – усмехнулась Яковлева.

– *Идиотка!* – крикнул он» [1, с. 167].

Авторская ирония фиксируется как импликатура, для адекватной интерпретации которой необходим макроконтекст, при этом импликационал такой иронии ориентирован как на негативные, так и на позитивные эмоции по отношению к объекту иронии. Более значительный суггестивный потенциал авторской иронии детерминирован спецификой рецептивно-интерпретативной деятельности читателя: авторские описания воспринимаются как объективная данность. Так, М.Ю. Лермонтов в романе «Герой нашего времени» приводит ироническую оценку Грушницкого Печориным-повествователем: «Он довольно остёр: эпиграммы его часто забавны, но никогда не бывают метки и злы: *он никого не убьёт одним словом; он не знает людей и слабых струн, потому что занимался целую жизнь одним собою*. Его цель – *сделаться героем романа*» [5, с. 70]. Выделенные курсивом лексемы и их сочетания образуют доминанты импликационала авторской иронии.

Субъективный характер рецепции иронии в художественном тексте обусловливается определёнными ограничениями, накладываемыми на неё письменной формой представления: невербальные средства иронии (ударение, интонация, особенности произношения) зачастую невозможно отразить на текстовом уровне. О.Г. Петрова подчёркивает, что «реализация иронического смысла происходит по следующей схеме: интенция автора (замысел создания иронического текста) – конструирование определённого контекста в соответствии с объективными нормами, действующими на уровне сознания и на уровне языка, – текст (от предложения и выше), компонентом смысловой структуры которого является ирония» [6, с. 26].

Аксиологическим фундаментом иронии следует признать индивидуализм, скепсис, сомнение в существующих правилах и нормах, поливариативность в отношении к авторитету. Отметим, что западноевропейский социокультурный процесс свидетельствует о постоянной динамике иронии и её широком распространении. В противоположность западному типу мышления восточные культуры характеризуются меньшим разнообразием иронических форм. Позитивное / негативное восприятие иронии в целом обуславливается её объектом: ироническое переосмысление позитивных явлений обычно вызывает неприятие, в то время как ирония, направленная на отрицательные феномены, способна вызвать одобрение у реципиента и его эмпатию по отношению к продуценту иронического текста.

Список литературы

1. Довлатов С. Собрание сочинений : в 4 т. / сост. А. Ю. Арьев. – СПб.: Азбука, 2000. – Т. 1. – 400 с.
2. Довлатов С. Собрание сочинений : в 4 т. / сост. А. Ю. Арьев. – СПб.: Азбука, 2000. – Т. 3. – 464 с.
3. Ильф И. Двенадцать стульев / И. Ильф, Е. Петров. – М. : Вагриус, 1998. – 543 с.
4. Колшанский Г. В. Контекстная семантика / Г. В. Колшанский. – М. : Наука, 1980. – 149 с.
5. Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений / М. Ю. Лермонтов. – М. : Художественная литература, 1958. – Т. 4: Проза. Письма. – 596 с.
6. Петрова О. Г. Типы иронии в художественном тексте: контекстуальная и концептуальная ирония / О. Г. Петрова // Известия Саратовского университета. – 2011. – Т. 11. Сер. Филология. Журналистика, вып. 3. – С. 25–30.

References

1. Dovlatov S. Sobraie sochineniy : in 4 vol. SPb., Azbuka, 2000. Vol. 1. 400 p.
2. Dovlatov S. Sobraie sochineniy : in 4 vol. SPb., Azbuka, 2000. Vol. 3. 464 p.
3. Ilf I., Petrov E. Dvenadtsat stulev. M., Vagrius, 1998. 543 p.
4. Kolshanskiy G. V. Kontekstnaya semantika. M., Nauka, 1980. 149 p.
5. Lermontov M. Yu. Sobraie sochineniy. M., Hudozhestvennaya literatura, 1958. Vol. 4: Proza. Pisma. 596 p.
6. Petrova O. G. Tipyi ironii v hudozhestvennom tekste: kontekstualnaya i kontseptualnaya ironiya // Izvestiya Saratovskogo universiteta. 2011. Vol. 11. Ser. Filologiya. Zhurnalistika. Iss. 3, pp. 25–30.

СОВРЕМЕННОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ О ПОСТРЕАЛИЗМЕ КАК ОДНОЙ ИЗ МОДИФИКАЦИЙ РЕАЛИЗМА

Бахшалиева Ульвия Сабир, аспирант, Бакинский славянский университет, Республика Азербайджан, AZ-1014, г. Баку, ул. С. Рустама, 33.

В статье рассматриваются вопросы, связанные с возникновением и существованием постреализма в русской литературе. Гипотеза о постреализме